

Б · О · Р · И · С

АКУНИН

**Смерть
на брудершафт**

Летающий слон
фильма третья

Дети Луны
фильма четвертая

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
А44

Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателей запрещается.

Художник: И.А. Сакуров

Оформление обложки — Екатерина Ферез

Акунин, Борис.
А44 Смерть на брудершафт: [роман-кино] /Борис
Акунин. — Москва: Издательство АСТ, 2018. —
384 с. — (Эксклюзивная новая классика.)
Содерж.: Летающий слон: фильма третья. Дети
Луны: фильма четвертая.

ISBN 978-5-17-110138-1

«Смерть на брудершафт» — название цикла из десяти пове-
стей в экспериментальном жанре «Роман-кино», призванном
совместить литературный текст с визуальностью кинематографа.

В эту книгу входят «фильма» третья и «фильма» четвертая,
действие которых происходит в 1915 году. Это две самостоятель-
ные повести о приключениях германского шпиона Зеппа и рус-
ского контрразведчика Алексея Романова.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110138-1

© В. Akunin, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Фильма третья

ЛЕТАЮЩЕЙ

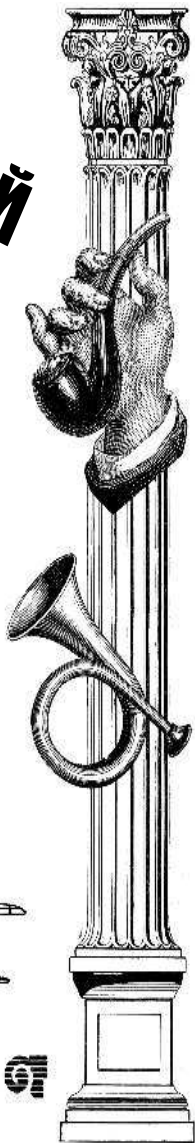
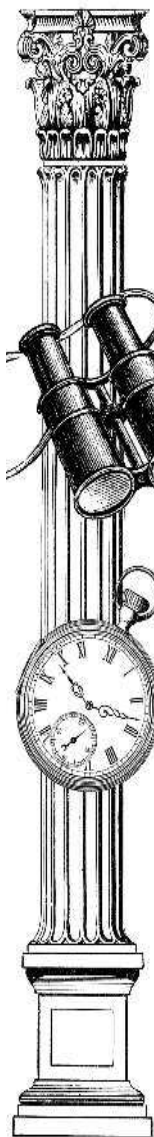
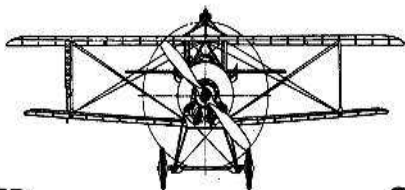
СЛОНЬ

Воздушная
приключения

ОПЕРАТОРЪ

ИГОРЬ САКУРОВЪ

Танёръ г-нъ Акунинъ

Весна 1915 года.
На восточном фронте затишье

Если смотреть на небо не снизу, а сверху, оно напоминает тазик для бритья, в котором хорошенько распушили мыльную пену.

Это сравнение приходило в голову военлету Сомову всякий раз, когда он вел аппарат над слоем сплошных облаков. Неромантическая вроде метафора, а ручику нравилась.

Легкая продолговатая тень «нюпор-10» скользила над намыленной щекой планеты, словно занесенная бритва, и самого себя Сомов в такие минуты воображал острейшим золингенским лезвием, которое одним точно рассчитанным движением — вжик! — срежет всё лишнее и опять взлетит вверх.

Наблюдатель прапорщик Дубцев, сидевший позади пилота, был человек несерьезный. В небе он обычно пел — все равно встречный поток воздуха уносил звуки прочь, так что можно было орать во всю глотку. Если не пел, то грыз шоколад или сосал леденцы. Дубцев обожал сладости и для всего, что ему нравилось — хороших людей, красивых женщин, быстрых лошадей, приятных событий, — мысленно подбирал сладкие эпитеты. Например, облака казались ему никаким не мылом, а взбитыми сливками или сахарной ватой.

На Высокое Небо, непроницаемо синевшее у них над головами, летуны не смотрели, ибо выше потолка, как известно, не прыгнешь, а стало быть, черт с ним. Вот когда аэропланы научатся подниматься километров на пять, на десять, тогда и поглядим, что там, за синевой.

Летнаб крикнул в разговорную кишку, раструб которой торчал возле уха командира:

— Скорость сто десять, полет по прямой сорок минут! Не пора?

— Что? — повернул голову поручик. Его, сидящего впереди, было хорошо слышно и без кишки — хоть шепотом говори.

— Фронт пролетели! Не пора?

— Я знаю, когда пора, — буркнул пилот. Он привык доверяться чутью, оно же пока помалкивало, взрывать пену не побуждало.

Летнаб пожал плечами, заголосил арию из оперетки. Командиру видней.

«Ньюпор» был на *вольной охоте*, то есть не имел от начальства никакого определенного поручения. Заправился топливом, загрузился бомбами и полетел в сторону фронта почти что наугад, словно пташка из песни — та самая, что не знает ни заботы, ни труда. Поручик Сомов в авиаотряде числился ветераном, а у ветеранов свои привилегии. Сделал дело — летай смело. Утром, если позволяла погода, экипажи выполняли обязательное задание, обыкновенно по рекогносцировке, аэрофотосъемке или корректировке артиллерийского огня. А после обеда авторитетному военлету можно было и поохотиться. Певучий прапорщик Дубцев готов был порхать по небу с утра до вечера, неважно где и зачем. Он был настоящее дитя эфира, человек-птица. Командир же отправлялся на эти рискованные прогулки от обиды. Очень уж переживал, что наша авиация с каждым днем все безвозвратней *теряет небо*.

К большой войне Россия готовилась долго. Пушек, снарядов, винтовок и пулеметов, как теперь выяснилось, в достаточном количестве запастись не успела, но зато в новом виде вооружения, небесном, обогнала все прочие державы. К 1 августа 1914 года русская армия имела 244 аэроплана — чуть больше, чем Германия, и намного больше, чем Франция. Про Англию с ее пятьюдесятью самолетами или Австрию с тридцатью и говорить смешно. В первые недели великого противостояния небо на Восточном фронте было русским.

Однако тевтоны быстро сообразили, какую важность в современной войне имеет «воздушная кавалерия». Их мощная промышленность с поразительной быстротой наладила производство машин. Открылись новые авиашколы, обеспечившие приток пилотов, летнабов и механиков. А у нас-то собственного производства самолетов почти нет, моторы привозные, новых военлетов выпускают в час по чайной ложке. За два месяца потеряли половину аэропланов и четверть людей, причем самых лучших, и всё от нерасчетливой русской удали. Первейший летун, великий Александр Васильев, был сбит на десятый день войны, потому что бравировал, слишком низко паря над австрийскими линиями. Знаменитый штабс-капитан Нестеров совершил непростительную глупость — протаранил своим самолетом вражеский и погиб. Геройство, конечно, но ведь Нестеров один стоил десяти!

В общем, по истечении первого полугодия боевых действий у германцев воздушный флот вырос вдвое, а у нас аэропланов и летчиков стало меньше, чем вначале.

При этом армейское начальство на собственном горьком опыте убедилось в стратегическом значении фанерно-полотняных «этажерок», которые еще год назад почитало бессмысленными игрушками. Во время злополучного наступления в Восточной Пруссии летчики обнаружили огромные немецкие силы, заходящие во фланг корпусу Самсонова. Немедленно доложили в штаб, а там отмахнулись — не поверили заоблачным фантазерам. Вот и получили...

Теперь каждый дивизионный начальник требует, чтоб его участок фронта непременно обслуживала авиация, да только где взять столько машин и людей? Немецкие «альбатросы», «таубе» и «эльфауге» с утра до вечера кружат над окопами, направляя огонь артиллерии и пугая наших солдатиков бомбардированием, а наших «нюпоров» с «фарманами» почти не видно.

Вот Сомов и поднимался дважды в день — не из лихачества или дурной жажды приключений, а чтобы *обозначить воздушное присутствие*: морально поддерживать свою пехоту и поугаить германскую. Если б не приходилось беречь мотор, чахлый 70-сильный «Гном», поручик летал бы и по три раза.

В носу у военлета щекотнуло, по коже пробежали азартные мурашки. Это сработало летунское чутье.

Внизу пузырилась все та же непроницаемая пена, однако Сомов привык доверяться своему нюху.

Подняв колено, он взглянул на прикрепленный к щиколотке высотомер. Тысяча семьсот. «Ремү» 5—6 метров в секунду.

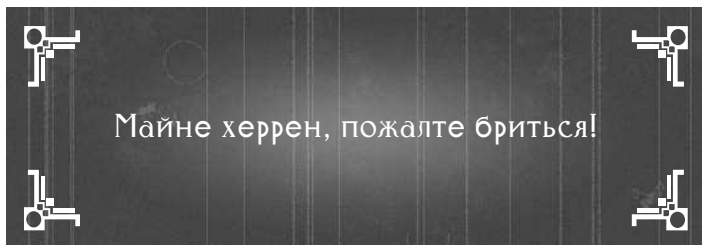
То ли «ремү», боковой ветер, то ли древний инстинкт охотника разом выдули из головы летуна все стратегические мысли и патриотические переживания, остался один нетерпеливый трепет.

— Костя, спуск! — сказал командир через плечо и взял руль глубины на себя, чтобы заострить поворот.

Мягкими нажимами на педаль гоширования парировал напор ветра. С крутым креном пошел вниз.

Легкомысленный летнаб ухнул от удовольствия — он обожал это ощущение, будто несешься с горы на санках.

Крыло «нюпор» блеснуло на солнце, действительно похожее на лезвие бритвы.

Все двадцать секунд, пока аэроплан ввинчивался по спирали в слепой туман облаков, поручик Сомов ужасно боялся разочароваться в своем нюхе, который еще ни разу его не подводил. Что если внизу какая-нибудь ерунда вроде лесной чащи или пустого поля?

Но чутье, без которого вольному охотнику грош цена, не подвело.

Земля, представшая взгляду военлета с высоты в тысячу метров, была соблазнительна, как очумевшая от весны девка: ярко-зеленый сарафан лугов с синим горошком луж, серебряный пояс реки, желтые ленточки перекрещивающихся дорог. По одной из них ползла длинная серо-бурая змея. Это полковая колонна двигалась по направлению к мосту.

На коленях у Сомова лежал открытый планшет с «зеленкой», десятиверстной картой.

Палец летуна безошибочно ткнул в мост через реку Дунаец. Вот что разбомбить бы! Но пятифунтовые бомбочки Орановского и трехфунтовые «груши» Гельгара, которыми был снаряжен легкий «нюпор», для железного моста, увы, опасности не представляли.

Зато безмятежно марширующим гансам бриться было не избежать.

Выключив мотор, поручик перешел в планирование.

Пылившая по дороге пехота стремительно приближалась. Теперь она напоминала связку кровавых колбасок: меж плотно сбитыми ротными колоннами — тонкие жилки хозяйственных повозок.

У летнаба Дубцева, впрочем, возникла иная ассоциация.

— Как ириски на ниточке! — возбужденно крикнул он. — Ух вы, мои сладенькие! Миша, марципан ты мой! Заходи с хвоста!

Поручик и сам знал, откуда лучше заходить на бомбометание.

С земли русский аэроплан пока не заметили. Он выровнялся точно по линии шоссе и стал быстро нагонять германский полк.

— Чуток полевей! — попросил наблюдатель, он же бомбардир. — Ветер!

Пилот кивнул. Взял поправку — на глазок.

— Давай, чего тянешь?

Прапорщик запел:

— «Увы, сомненья нет, влюблен я! Влюблен, как мальчик, полон страсти юной!»

И дернул шнур правого бомбосброса.

Снаружи к борту кабины был прикреплен ящик, где в 36 ячейках, шесть на шесть, лежали грушеобразные гранаты: чека каждой привязана к крышке. Раскрылось дно, и гранаты под собственной тяжестью соскочили с колец, посыпались вниз. Дубцев перегнулся проверить. Увидел, что одна не сорвалась. Выдернул ее вручную и швырнул попросту, словно камень.

— Миша, наклони!

Пилот положил «нюпор» на крыло, чтоб удобней было смотреть, как лягут бомбы.

Оба летчика жадно провожали взглядом рой черных точек.

Гранаты упали не блестяще — метров на двадцать, а то и тридцать правее шоссе. Может, кого и задели осколками, но маловероятно. Только последняя, брошенная Сомовым, угодила почти под самые колеса ротной кухни. Лошади встали на дыбы, котел перевернулся. Даже сверху было видно, как взметнулось облако пара.

— Плакал у гансов ужин! — хохотал прапорщик. — Миша, сахарный мой, теперь давай их в гриву! Только, пожалуйста, ниже, ниже!

Вѣтеръ съ западной страны слезы навѣваетъ;
плачетъ небо, стонетъ лѣсъ, соснами качаетъ.
муз. А. Таскина, сл. Вл. Соловьева

